

Лея Р.

Рада, наследница
заклинателей

Лея Р.

Рада, наследница заклинателей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70192687

SelfPub; 2024

Аннотация

Бродяжка и уличная плясунья Рада оказывается в темнице, приговорённая за убийство возлюбленного, которое не совершала. Настоятель «Храма Всемилоственного Дракона» Михель Буша обещает спасти от ужасной участи, но просит взамен непомерную цену – две ночи любви. Не видя иного выхода, Рада в конце концов соглашается, надеясь как-нибудь отвертеться и оставить священника ни с чем. Но, может, он не так уж плох, как ей поначалу казалось?.. А сама Рада, возможно, вовсе не нищенка и отребье, а последняя из рода заклинателей драконов?.. Сумеет ли выросшая в трущобах красавица вернуть имя и славу предков? Сможет ли Михель, давший обет безбрачия, растопить сердце юной Рады и разрубить сковывающие его оковы долга?

Лея Р.

Рада, наследница заклинателей

Пролог

– Виновна! – набатом прозвучало роковое слово, заставив несчастную Раду очнуться от странного болезненного забытья, сковавшего юную красавицу в зале суда, и вскинуть голову.

В золотистых глазах светилось искреннее удивление и непонимание: казалось, бедняжка плохо осознавала, что значит это слово. Виновна?.. В чём? В том, что танцевала на улицах Старой Рутны, что пела звонким голоском возле городского фонтана, что пыталась закрыть собой от губительного лезвия того, кого любила?!

– Рада по прозвищу Златоокая, встань! – по требованию судьи обвисшую, как куклу, обвиняемую с двух сторон подняли за руки стражи. – Согласно показаниям свидетелей, ты обманом и колдовством завлекла благородного дворянина Гожо из рода Лайош в трактир «На обочине». Там ты заставила зачарованного тобой верного офицера Его Величества оплатить комнату на верхнем этаже, что подтверждает владелец заведения, некто Мануш Безродный. Позже тебя нашли рядом с телом бездыханного Гожо Лайоша, с кровью на ру-

ках и валявшимся рядом кинжалом. Поскольку на допросе с пристрастием ты созналась во всех перечисленных преступлениях, суд признал тебя виновной в сотворении противной Дракону и людям волшбы и смертоубийстве. За содеянное ты проговариваешься к смертной казни и будешь утоплена в водах Соны, как только с реки сойдёт лёд! Ты умрёшь в холоде и сырости и даже после смерти не познаешь жара всепрощающей любви Дракона, Предвечного и Милосердного! Да свершится правосудие.

С этими словами старый судья, кряхтя, поднялся на ноги и вышел из зала, тем самым показывая, что заседание окончено.

– Рада, малютка!.. – горестно всхлипнул сидящий в дальнем углу слушатель и обратился к соседу по скамье – угрюмому старику, который надвинул плотный капюшон плаща до самого носа. – Баро, надо попросить мэтра Михеля вмешаться. Он влиятельный человек, служит церкви Дракона, к тому же, кажется, питает слабость к Раде... Я должен попытаться уговорить учителя помочь. Нельзя позволить моей Златоокой названной сестрёнке просидеть всю зиму в клетке лишь для того, чтобы встретить весну с гранитной глыбой на шее!

Глава 1

Рада не знала, сколько времени прошло с момента вынесения приговора: в тюремной камере не было окон. Мрак, будто живое существо, зарождаясь в углах каменного меш-

ка, пропахшего сыростью и болью, расплзался по крохотной конуре могильной стужей. Порой малютке казалось, что она сидит тут уже целую вечность, что прежняя жизнь – пляски и песни на площадях Старой Рутны, вольный воздух, прекрасный Гожо в белом с золотом мундире – далёкий сон, а реальны лишь пронизывающий холод и непреходящий голод. Боль в иссечённой на допросе кожаным кнутом спине понемногу отступала, но прикосновения к израненной коже жёсткой рубахи до сих пор оставались болезненными, а задремать удавалось только на животе или чуть менее пострадавшем правом боку.

На самом деле, прошло всего три дня и четыре ночи с момента заточения несчастной. Однако для Михеля Буша, настоятеля «Храма Всемилоостивого Дракона» и председателя церковного суда Старой Рутны, они также показали вечностью – вечностью, проведённой в чёрной бездне бесконечного отчаяния, сладкого предвкушения и неистового огня болезненной страсти.

«Бедная, бедная малютка, – словно в бреду бормотал по временам священник, буравя невидящим взглядом стену домика при церкви. – Ты уже чувствуешь, как плотно липкая нить рока опутала прелестные тонкие ножки... Понимаешь, что изящным ручкам не порвать расставленную не знающим жалости охотником сеть. Но ведь это лишь полбеда. Сломленная, ты пока не ведаешь, что беспощадный хозяин прочно сковавшей тебя паутины скоро явится за наградой... О,

как будешь ты биться, трепетать, встретив горящий взор, увидев пугающий меня самого взгляд! Но поздно. Судьба! Таково предназначение, начертанное на скрижалях судьбы когтями всеведущего Дракона. Тебе уже не спрятаться от меня, как и мне никогда не убежать от тебя. Проклятие моё!.. Любовь моя».

...Лёгкий скрип поднимающейся тяжёлой крышки люка вывел Раду из спасительного забвения. Яркий свет спускавшегося факела вынудил прикрыть глаза. Из-под опущенных ресниц, замерев без движения, узница насторожённо наблюдала за приближающимися фигурами. Фигурами, ибо за первой последовали ещё две: в руках второго оказался толстый скрученный тюфяк, замыкающий шёл с факелом в одной руке и большой корзиной – в другой.

Первый, лицо которого скрывал низко надвинутый капюшон, прикрепив полыхающий факел к стене, повелительным жестом указал в угол тесной камеры. Упал на пол тяжёлый тюфяк; корзину поставили рядом.

– Оставьте нас, – коротко приказал предводитель мрачной процессии. – Нужно попытаться вернуть эту заблудшую душу к животворящему свету дарующего огонь Дракона.

Почтительно кивнув, оба прислужника удалились. Рада украдкой пыталась разглядеть нежданного посетителя в свете двух факелов, но широкий капюшон чёрного плаща не позволял увидеть лицо. Голос, однако, показался смутно знакомым. Точно заплутавший в бесконечном ночном кошмаре

сновидец, приговорённая пыталась пробиться сквозь завесу затуманенного ужасами последних дней разума и нащупать хрупкое воспоминание; но мутные образы прошлого точно подёрнулись дымкой в измученном сознании.

– Осуждённым в честь праздника Явления Дракона дозволено вкусить сегодня радостей плоти, – безучастно произнесла неподвижная тень. – Тебя ждёт горячий ужин вместо чёрствой корки хлеба и мягкий тюфяк вместо промокшей соломы.

– Мне так холодно... – прошептала узница, зябко обнимая продрогшие ноги, бессознательно пытаюсь сжаться в комок в стремлении закутаться в жалкую тюремную рубаху из грубой ткани. Вдруг смысл сказанного дошёл до неё: – Праздник Явления Дракона?.. Так прошло всего пять дней!

– Пять дней, – эхом откликнулся священник.

– Мне казалось, я целую вечность сижу в этой мрачной клетке... Скорее бы весна, – лёгкий вздох сорвался с уст несчастной; она ещё теснее прижала к груди колени и равнодушно отвернулась, точно верёвка с неподъёмным камнем уже обвила нежную шейку.

– Бедное дитя!.. – прошептал священнослужитель, в голосе которого послышалась неподдельная мука. – Предназначение... Поешь же. После мы поговорим.

Посетитель вдруг шагнул в сторону расстеленного тюфяка, приоткрыл корзину и быстро начал извлекать снедь: мягкий белый хлеб, котелочек с горячей похлёбкой, кусок сыра,

пару яблок, даже кувшин с разбавленным вином. Потом поднял расстеленное поверх тюфяка одеяло и осторожно укутал дрожащие плечики юной пленницы. Что-то неуловимо знакомое почудилось Раде в резких и нервных движениях, но память по-прежнему изменяла измученной жертве. Она лишь плотнее закуталась в накинутое покрывало, тяжесть которого сейчас казалась спасительным убежищем от всех бед.

– Ну же, ешь! – настаивал визитёр.

Он открыл котёл с похлёбкой, и аромат свежесваренной пищи наполнил камеру. Юное тело, в котором обитала душа, полная радости и свободы до того злополучного свидания с возлюбленным, начинало брать своё. Оно хотело жить. Голод, притуплённый холодом и затопившим разум туманом, властно заявил о себе. Испуганно зыркнув на сделавшего шаг к стене человека в плаще, узница поднялась с жидкого соломенного ложа и, перебирая продрогшими ногами, проковыляла к корзинке со снедью. Удобно устроившись на тюфяке, некогда прекрасная, а теперь словно бы выцветшая девушка с жадностью набросилась на еду, с наслаждением ощущая, как отступает холод.

Когда с ужином было покончено, священник, стоявший до этого момента неподвижно, оторвался от стены и сделал движение навстречу. Рада инстинктивно сжалась, со страхом глядя на эту странную мрачную фигуру. И тут, посмотрев снизу вверх, в неровном свете факела осуждённая сумела

наконец разглядеть лицо. Ледяное стекло равнодушия, покрывавшее воспоминания, мгновенно лопнуло: ясные образы стремительно вырвались из-под толстого купола и затопили завопивший от ужаса разум.

– Вы!.. Это вы руководили допросом! И прежде преследовали меня... Прогоняли с Драконьей площади. Вы убили Гожо!..

– К сожалению, нет, – скрипнул зубами Михель Буша. – Но с радостью предпринял бы вторую попытку, и уж в этот раз, поверь мне, не промахнулся.

– Так он жив?! – глаза девушки заблестели. – Гожо жив!.. Он придёт за мной, я знаю! Уходите прочь!.. Зачем вы здесь, что вам нужно от меня? За что вы преследуете, за что так ненавидите?.. Что я вам сделала?!

– Что ты сделала?! – властный голос настоятеля возвысился, так что бедная Рада в ужасе прижала к ушам ледяные ладошки; однако слова продолжали набатом греметь в девичьей головке. – До встречи с тобой я был счастливым человеком!.. Я успешно противостоял искушениям тьмы, с ранней юности усмиряя плоть. И в кого превратила меня ты?! Священник, я отрёкся от заповедей Дракона, покорный твоей песне; учёный, я забросил всякую науку, завлечённый твоим танцем!.. О да, девушка, я ненавижу тебя! Ненавижу, потому что люблю!..

Сбросив капюшон, он вперил горящий взор в сжавшуюся в комок хрупкую фигурку.

– Всей Рутне – нет, всем в землях Сапо! – известно, что вы ненавидите женщин, – тихо прошептала пленница, так что Михель едва сумел разобрать слова. – Я ведь простая нищенка, бродяжка, что зарабатывает на жизнь уличными плясками... А вы служитель «Храма Всемилоственного Дракона». Как же вы можете любить меня?.. Любить так жестоко...

– Если бы я знал, о, если бы имел власть побороть эту губительную страсть!.. – священнослужитель сокрушённо всхлипнул, судорожно стискивая края распахнувшегося плаща. – Слушай же, слушай! Это случилось больше года назад, солнечным летним утром. Запершись после службы в башенной келье, я по обыкновению погрузился в молитву, как вдруг услышал доносившийся с площади серебряный перелив струн этого болвана Пэтро и гомон толпы. Раздражённый, я распахнул окно, желая видеть причину, отвлѣкшую меня от общения с Драконом. И в тот миг, затмевая солнечный свет, в мою жизнь ворвалась ты! Пригвождённый к полу, застыл я, точно соляной столп, не в силах оторвать взор от завораживающего танца, маленькая колдунья!.. С трудом заставив себя отвернуться, томимый непонятным волнением, встревоженный и до крайности раздражённый, упал на колени и вернулся к прерванной молитве. Несчастный!.. Мог ли я тогда знать, что пытка моя только начинается?.. Да, тебе недостаточно оказалось смутить мой разум непристойными танцами: ты начала петь, девушка. Что мог я противопоста-

вить чарующему, чистому, звонкому голосу, наполненному свободой и радостью?.. Как мог тот, кто без сожалений отдал юность аскезе и науке, кто всегда считал себя выше прочих, выше земных страстей, укрыться от этого гимна жизни? Слова молитв разом вылетели из моей звенящей головы. Опыянённый, я с трудом поднялся с пола и с жадностью припал к окну, не в силах уже оторваться до того самого момента, пока, закончив выступление, не скрылась ты вместе с Пэтро за углом храма. Впрочем, нет, и тогда не сумел оставить тебя: следующую ночь я не спал, лишь изредка проваливался в короткое забытьё. Передо мной мелькало юное смеющееся лицо, смуглые руки, ловко управляющиеся с разноцветными платками и лентами, то и дело выглядывающие из-под юбки обнажённые икры... Я задыхался, бредил, почти умирал!..

В исступлении Михель Буша заметался по тесной камере, точно запертый в клетке раненый зверь, продолжая быстро говорить и почти не обращая внимания на замершую девушку.

– Когда на следующее утро опять услышал сквозь открытое окно твою песню, впал в неопишуемую ярость. Я приказал прогнать тебя с площади, запретил впредь появляться перед «Храмом Всемилоственного Дракона»! Уже чувствуя зародившееся в глубине души неподвластное влечение, я всё ещё самоуверенно полагал себя способным справиться с ним. Глупец!.. Надеялся изгладить из памяти твой образ, чтением и молитвами заглушить, как в юности, вспых-

нувшее плотское желание. О, каким наивным я был тогда!.. Ты действительно больше не появлялась на Драконьей площади, однако дни сменяли друг друга, а твой голос, извивающееся в танце тело никак не шли у меня из головы. Я забросил науку, не мог сосредоточиться на молитве и со страхом ждал наступления темноты, зная, что попытки уснуть обернутся вознёй на раскалённой сковороде. Я будто при жизни угодил в пасть Дракона, в которой горят в вечности презренные грешники!.. В конце концов всё же решился разыскать тебя, удостовериться, действительно ли ты так хороша, какой представляешься в видениях. Каждый день чёрной тенью скитался по улицам Старой Рутны, напрасно вслушиваясь в окружающий шум. Наполовину уже обезумевший от бесплодности этих блужданий, ближе к весне всё же разыскал тебя в предместьях, такую же весёлую, беспечную и прекрасную. Заворожённый, я стоял в стороне от толпы и не знал, что приводит меня в большую ярость: твои бесстыжие движения или взгляды зевак, полные вожделения. Никто не смеет смотреть на тебя *так!*.. Обессиленный, вернулся домой и на полгода заперся в обители, не желая более смущать разум. Я верил, что Дракон, создатель всего сущего, коему служил верой и правдой два десятка лет, не оставит меня, и рано или поздно греховные видения отступят. Вероятно, так и случилось бы: к концу лета я ощутил некоторое облегчение и уже считал себя идущим на поправку. Но в игру снова вмешался злой рок: осенью, подобно перелёт-

ной птице, ты вернулась на Драконью площадь, чтобы одним движением изящной ножки обратить в ничто усилия многих дней! Победённый, я склонился пред неизбежной судьбой. Справедливо полагая себя околдованным, начал собирать над твоей головой бурю, которая должна была рано или поздно разразиться...

– Вы пытали меня, – всхлипнула Рада, нисколько не тронутая этой исповедью.

– Ах, если бы я мог повернуть время вспять! – воскликнул священник, молитвенно простирая к ней ладони. – Возгордившись, я полагал, что лишь от меня одного зависит, когда грянет гром. Но и тут неумолимый рок оказался сильнее!.. Подтолкнутая моей рукой безжалостная телега правосудия уже летела накатанным путём, и её невозможно было остановить. Нас обоих намотало на колеса, точно обрывки листьев. О, знала бы ты, что это за пытка – видеть, как грубые руки грязных палачей дотрагиваются до тонкой обнажённой кожи, как плеть со свистом опускается на шёлковую спину, которой я мечтал дарить самые нежные ласки! Первый же отчаянный крик боли заставил меня вздрогнуть, обжог, точно кнутом, ударил, будто копьё в сердце!.. Я благодарил Дракона, что ты почти сразу согласилась со всеми обвинениями: твоих мучений я бы не смог снести, выдал бы себя непременно! Безумец!.. Верил, что твои чары развеются после вынесения приговора. И, стыдливо пряча эту мысль от самого себя, с потаённой надеждой мечтал, что суд отдаст тебя в мои

руки... Так и вышло.

– Суд отдал меня в руки палача, – дрожа, ответила несчастная. – По весне верёвка с камнем обнимет мою шею... Но даже смерть я предпочту вам! Убийца, это ты заколол моего Гожо!..

– Да! – гневно вскричал Михель, и глаза его заметали молнии. – Да, и сделал бы это снова! Видеть, как ты расточаешь свои сокровища ослу в белом мундире – о, это было невыносимо!.. Пустоголовому офицеришке со смазливym личиком! Мальчишке без гроша за душой, который походя сорвёт бесценный цветок невинности, чтобы назавтра и имени твоего не вспомнить!.. Самовлюблённому повесе, которого не остепенит даже женитьба – а к алтарю он, поверь, поведёт не тебя, а какую-нибудь богатую вдовушку или девчонку с родословной чище, чем у породистой кобылы! Да, я проследил за вами и снял той ночью соседний номер на чердаке треклятого трактира. Всё видел и слышал, всё!.. Каждое сказанное тобой слово любви расплавленным золотым комом застревало у меня в горле: такое драгоценное в твоих устах, оно терзало нестерпимой болью... Как мог я безучастно наблюдать за похотливыми руками, жадно ласкающими невинное девичье тело, зная, что в пустых глазах этого солдафона нет ничего, кроме бесстыдного желания? Разве мог допустить такое – я, кто готов умереть за один поцелуй, за одно доброе слово?.. Ну, скажи, где сейчас твой военный? Тебя приговорили к смерти за его убийство, но он и слова не скажет, чтобы вос-

препятствовать казни!..

Рада молчала. Помимо страха, душой начало завладевать неподдельное горе. Узница отчаянно не желала верить словам обезумевшего святоши, но чуткое любящее сердце уже кольнуло и ревность, и обида. В самом деле, где это видано: бродяжка из трущоб с окраин Рутны и знатный офицер королевской гвардии – смех, да и только. Но ведь Гоже любит её, он сам так сказал!.. Разве этого недостаточно?

– И всё же он молод, красив и беспечен, совсем как ты сама, – угрюмо продолжал Михель. – А что мог предложить я? Разве дрянная чёрная ряса в состоянии тягаться с золочёным солдатским мундиром? Тебе ведь безразлично, какое сердце бьётся под ним... Тебя совершенно не волнует душа несчастного священника, угодившего по твоей милости в пасть Дракона. Впрочем, пусть так, я смирился уже и с этим: не желаю иного посмертия, нежели огонь, в котором будешь гореть ты, маленькая колдунья!.. Пути назад нет. Для нас обоих... Так или иначе, ты в моей власти. Придётся выбирать, красавица: я могу спасти тебя от верёвки на шее и ледяной воды, но после придётся пойти со мной. Довольно ты терзала меня, довольно я был твоим пленником! Ты владеешь моей душой, я же буду обладать твоим телом!.. О, девушка, сжался надо мной, подари хоть сотую долю тепла, что ты так щедро расточала ничтожному офицеру, и я сделаю для тебя всё: буду чтить, как почитали некогда драконьих заклинателей, стану любить, как ни один самый преданный пёс не любит хозяина!

Мольба, зазвучавшая в голосе пугавшего её человека, его слабость укрепили Раду. Выпрямившись, она презрительно бросила ему в лицо:

– Если мне нужно выбирать между тобой и Соной, я предпочту утонуть.

Взбешённый настоятель в неистовстве ударил кулаком по холодному камню стены. Мгновенно взорвавшая пальцы боль немного отрезвила. Взяв себя в руки, Буша попытался успокоиться; не такого ответа он ожидал. Как глупо: тщательно подготовиться, рассчитать, расставить сеть – и всё напрасно. Михель должен заставить строптивую девку согласиться: хотя бы потому, что, если она умрёт, ему тоже не жить. Чёрная бездна безумия распахнёт жадную пасть и заглотит несчастного влюблённого целиком – он понимал это так же отчётливо, как и то, что сейчас Раду не переубедить. Впрочем, он всё равно попытался:

– Неужели ты, нераспустившийся весенний бутон, предпочтёшь любви смерть?.. О, не смотри так на меня!.. Да, да, я люблю тебя, что бы ты об этом ни думала!

– Ты, может быть, хочешь насладиться моим телом, – с отвращением произнесла узница дрожащим голосом, – но ты понятия не имеешь, что такое любовь! О, мой Гожо, почему ты не приходишь мне на помощь?.. Неужели мог так скоро забыть бедную Раду...

Не дав ей договорить, Михель одним рывком оказался рядом, крепко сжав окровавленной после удара о стену рукой

трепещущую шейку. Охваченная страхом, бедняжка дёрнулась, чтобы мгновение спустя замереть, подобно голубке в когтях филина.

– Не смей произносить этого имени, или, клянусь, я не знаю, что с тобой сделаю! – вспышка яростной ревности мгновенно погасла, едва священнослужитель встретился взглядом с пленницей; хватка ослабла, а мгновение спустя превратилась в нежное поглаживание. – Прости меня... прости, Рада. Но, пожалуйста, не мучь меня – ты видишь, я не могу этого вынести. Прояви хоть каплю сочувствия к безумной, пламенной любви: не моя вина, что эта страсть душист, лишает разума, высасывает жизнь... Я не искал её, не звал; боролся, сколько мог. Но Дракон не сотворил человека равным по силе духу зла, который возник теперь на месте непоколебимого, точно храмовая колокольня, священника... Неужели я внушаю тебе такую неприязнь, что ледяные воды весенней Соны кажутся желаннее моей постели?.. Поверь, я не такой плохой человек, как ты, полагаю, думаешь. Эта страсть, зароненное семя порока превратило меня в помешанного, что наводит ужас на тебя и на себя самого. Одно слово любви утешит и смягчит этот пожар, невыносимую жажду, терзающую меня вот уже полтора года! И тогда ты увидишь настоящего Михеля Буша, а не полыхающий факел безумия; возможно, со временем ты даже полюбишь меня...

– Никогда! – вновь осмелела Рада в ответ на его нежность. – Я люблю моего Гожо! Он потомок заклинателей дра-

конов, а ты скрываешь под рясой служителя церкви похотливое животное!..

– За всю жизнь я не познал ни одной девы! – гнев занимался в священнике столь же быстро, как вспыхивает бумага; он с силой тряхнул за плечи маленькую пленницу с языком острым, как лезвие ножа. – Я жил вдалеке от женщин, укротил плоть много лет назад! Но потом пришла ты – и пробудила давно и мирно спящий вулкан...

Её близость внезапно опалила измученного постоянной борьбой Михеля; он больше не мог противиться настойчивому зову первобытного влечения. С жаром припал к мягким губам, но ответа не последовало. Тогда настоятель начал покрывать поцелуями шею, спустился к ключицам, почти не замечая ожесточённого сопротивления: что могла противопоставить ослабевшая девушка охваченному нестерпимым желанием мужчине?..

– Не смей прикасаться ко мне, иначе закричу так, что сюда сбежится весь караул! – взвизгнула Рада, когда жёсткая ладонь, задрав рубашку, попыталась скользнуть по гладкому бедру.

Этот вопль немного охладил распалившегося Буша. Он резко отстранился, а посчитавшая себя победительницей пленница запальчиво продолжила:

– Пусть меня казнят, едва сойдёт снег, но я никогда не буду принадлежать тебе, грязный церковник! Единственное, о чём жалею – что смерть пришла не сегодня: тогда мне не

пришлось бы терпеть твоих гнусных поцелуев!..

Окончательно придя в себя после жестоких слов, с перекошенным от бешенства и отчаяния лицом Михель отвернулся и, ничего не ответив, начал подниматься по лестнице, не забыв прихватить оба факела. Через минуту, оставшись одна в крошечной темноте, юная пленница горько разрыдалась, упав на мягкий тюфяк и плотно завернувшись в одеяло. Последний шанс на спасение, похоже, упущен. Мерзкий святоша оставил её в покое, узница выиграла эту битву – но, кажется, проиграла войну за жизнь. И возлюбленный, конечно, не придёт на помощь – это бедняжка начинала понимать всё яснее. Беспokoйно проворочавшись пару часов, Рада наконец забылась тяжёлым сном. Ей снился огромный дракон, покрытый блестящей чешуёй, который распластал по земле крыло, предлагая взобраться на спину; милый Гожо, везущий её на прекрасном белом жеребце в *их* дом; мощёный камнем мост через Сону и толпа зевак, перед которыми красавица танцевала, в то время как за спиной, подобно змее с камнем вместо головы, тащилась пеньковая верёвка...

Узница проснулась, задыхаясь от неопишуемого ужаса: казалось, сама смерть разлита в окружающей черноте. Гнусная погибель подползала медленно и неотвратимо, сжимая душающие объятия; пустота и страх затопили юную душу. Замерев с прижатым к груди одеялом, Рада вслушивалась в окружающую тишину, но лишь беспорядочное шуршание крыс доносилось иногда до чуткого слуха. Мгновения тяну-

лись томительно долго.

После тяжёлого сна пленница не могла думать ни о чём, кроме ожидавшей вскоре участи. По сравнению с приближающейся ужасной гибелью, страшным маятником раскачивающейся перед внутренним взором петлёй с камнем, даже объятия ненавистного святоши уже не казались такими пугающими. Он, в конце концов, только мужчина, который отцепится, едва получит своё; за порогом же смерти ждала разверстая пасть неизвестности.

Глава 2

Прошло много времени до тех пор, пока проделанный в потолке люк не открылся, впуская слабый лучик в царство вечной тьмы. Вниз спускался человек в чёрной рясе, нёсший в одной руке светильник, в другой – похожую на вчерашнюю корзинку. В тусклом свете медленно хлебающего масло огонька узница узнала недавнего посетителя. Беззащитная перед лицом новой угрозы, бедняжка задрожала; одинокая слеза скатилась по вмиг побелевшему лицу.

– О, мой Гожо, возлюбленный мой, неужели ты так и не придёшь за преданной тебе одному Радой?.. – горестно прошептала малютка, почти лишаясь всякой воли к сопротивлению.

Люк с грохотом захлопнулся, стоило Михелю Буша ступить на влажный земляной пол.

– Что ещё вам нужно от меня?.. – спросила несчастная, не в силах даже подняться на ослабевшие от страха ноги.

Пропустив вопрос мимо ушей, настоятель небрежно поставил рядом с пленницей снедь, аккуратно подвесил фонарь на высокий крюк и повелительно произнёс:

– Ешь.

– Не буду! – запальчиво возразила заключённая.

И тут же новая страшная мысль о цели визита мелькнула в голове, отразившись на вмиг переменившемся личике. Священник, вперивший в приговорённую жадный взгляд, не мог не заметить выражения ужаса, и уголки тонких губ чуть заметно дрогнули в горестном подобии хищного оскала; глаза полыхнули болезненной страстью.

– Ешь, или я накормлю тебя насильно, – Михель угрожающе шагнул вперёд, и испуганная Рада покорно потянулась к корзинке.

Впрочем, едва аромат свежеиспечённой сдобы достиг ноздрей, аппетит и в самом деле проснулся. Когда узница почти утолила голод, священнослужитель неспешно заговорил:

– Поскольку основным обвинением в твоём деле было убийство офицера королевской гвардии, а он, как выясняется, жив и быстро идёт на поправку усилиями своей наречённой, – глаза бедной пленницы увлажнились при этих словах, и кусок больше не лез в горло, что, видимо, вызвало некоторое удовлетворение мучителя, – так вот, в связи с этими обстоятельствами я попросил суд пересмотреть дело, дополнив свидетельствами жертвы, едва та будет в состоянии дать

показания.

– Мой Гожо! – радостно воскликнула заключённая, вскакивая; лицо озарила счастливая улыбка. – Значит, он придёт, он спасёт меня!.. Я знала, знала!

– На твоём месте я бы так не радовался, красавица, – поморщился Михель, глаза которого сверкнули яростью, выдавая сильное волнение и гнев. – Это я заступился за тебя, но вряд ли похотливый солдафон сделает то же самое. В лучшем случае выдумает что-нибудь на тему того, как его околдовали, коварно обольстили и заманили, а потом пытались убить – это не поможет тебе спастись от казни. Хотя, полагаю, Лайош предпочтёт вовсе не появляться в суде, а в письменной форме подтвердить все обвинения. Понимаешь, дитя, если подобный скандал вскроется, это может самым печальным образом сказаться на помолвке. А породниться с богатым семейством Штефан ему сейчас совершенно необходимо: Гожо из рода заклинателей драконов – нищий, не привыкший, однако, отказывать себе в выпивке и развлечениях, так что удачный брак – единственный способ быстро поправить прискорбное финансовое положение.

– Лжёшь, презренный святоша, ты всё лжёшь!.. – в совершеннейшем отчаянии прокричала Рада, пытаясь убедить саму себя, что не верит ни единому слову; зарыдав, она в иступлении набросилась на посетителя.

Ослабевшая после потрясений, пыток и заточения, бедняжка не представляла для гостя ни малейшей опасности.

Провокация достигла цели: душевная боль заставила юную и страстную бродяжку совершить необдуманый поступок. Буша невольно провёл параллель между этой вспышкой и его ударом кинжалом – что ж, пусть и она узнает жгучую пытку ревностью!

Без всяких усилий перехватив изящную кисть, потерявшую былую ловкость за дни страданий, холода и голода, а потом и вторую, священник быстро развернул извивающуюся узницу и слегка заломил руки. Приглушённо всхлипнув и инстинктивно нагнувшись, Рада замерла, чувствуя, как каждая попытка пошевелиться отзывается в вывернутых плечах болью. Внезапно пленница ощутила прикосновение к запястьям чего-то шершавого; миг спустя осознав, что проклятый священник намерен её связать, объятая паникой Рада вновь затрепыхалась. Напрасно: новая боль, не сильная, но продолжавшаяся до тех пор, пока узница покорно не затихла, лишь вынудила склониться ещё ниже.

– Теперь можешь кидаться на меня, сколько угодно, – заключил мучитель, отпуская руки жертвы.

– Мерзавец, – всхлипнула та, разворачиваясь и с ненавистью глядя в неподвижное лицо со сверкающими неприкрытым вожделением, расширенными зрачками.

– Да, – Михель порывисто притянул извивающееся тело безуспешно пытающейся высвободить руки узницы, крепко обняв за талию и нежно касаясь щеки. – А ещё похотливое животное – так ты меня вчера, кажется, назвала?.. Всё прав-

да, девушка, так и есть. Но это ты сделала меня таким, ты разбудила необоримую тягу к греху!

Чуть откинув голову Рады впившейся в тёмные волосы рукой, визитёр припал горящими губами к трепетной шейке, спустился до ключиц, нежно прикусил мочку уха...

– Бедная малютка, – невнятно пробормотал Буша, беспорядочно одаривая отчаянно сопротивлявшуюся прекрасную пленницу жестокими ласками, – как бы ты ни билась, тебе не порвать сплетённой мною паутины... Теперь уже нет.

Священник порывисто поднял заключённую на руки и бережно опустил на тюфяк, после чего устроился рядом.

– О, моя Рада, – шептал он, скользнув рукой под задрывшуюся рубаху и благоговейно поглаживая мягкое бедро. – Как ты прекрасна, как я люблю тебя...

В этот момент узница, изловчившись, дотянулась коленом до живота мучителя. Из-за неудобной позы удар получился несильным, но всё же чувствительным. Взревев, Михель рывком задрал длинную рубаху – единственное препятствие, отделявшее от вожделенного тела – до самой талии и навалился на Раду всем весом, лишая всякой возможности к сопротивлению.

– Маленькая колдунья, – гневно прошипел Буша в самое ухо, беспощадно сминая нежную кожу проникшей под жёсткую ткань рукой. – Зачем не даёшь любить себя, зачем заставляешь быть грубым, когда я хочу подарить наслаждение нам обоим?.. Рада, если бы ты только знала, сколько бессон-

ных ночей провёл я в одиноком домике при храме, терзаясь бесконечными видениями твоего гибкого тела в моих жарких объятиях... Ты видишь, я не могу без тебя. Не заставляй причинять боль, ответь на мою страсть!..

– Никогда! – яростно ответила пленница. – Можешь овладеть моим телом, утолить терзающую похоть, но большего ты никогда не добьёшься!.. Я всегда, всегда буду презирать тебя!

И снова злые слова привели в чувство обезумевшего от вожделения священника. Тяжело вздохнув, он скатился с пригвождённого к лежаку тела. Надрывно всхлипнув, одним рывком опустил рубашку Рады, скрыв наготу.

– Ты вправе думать, что мною движет только плотская жажда. Её ведь так легко утолить, – грустно произнёс Мишель, отворачиваясь от самого большого искушения и пытаюсь усмирить не желавшее потухать пламя. – О, если б это действительно было так, всё стало бы гораздо проще. Я бы мог взять тебя хоть вчера, хоть сейчас, а после – забыть о твоём существовании, как это принято у некоторых мужчин.

Язвительная горечь наполнила дрогнувший голос. Через мгновение настоятель продолжил более спокойно:

– Нет, девушка, я люблю тебя. Я не хочу брать тебя силой – хочу получить взамен хоть каплю нежности. Не прошу уже о любви, об искренности – дальнейшей искренности я просто не вынесу – но позволь мне хоть ненадолго ощутить тепло. Отдайся мне по доброй воле, не заставляй падать ниже,

чем я уже пал... Распутный священник, поправший данные Дракону обеты – с этим я уже смирился. Не делай же из меня насильника, как едва не сделала убийцу!

Рада не проронила ни слова, а Михель боялся даже повернуться к ней, вновь прочитав на любимом лице одно лишь отвращение.

– Я даю время на размышление: приду за ответом завтра днём. Как уже говорил, в моих вытащить тебя из этого каменного мешка. Я знаю немало доводов, которые убедят Го-жо Лайоша явиться в суд и поклясться, что ты не имеешь отношения к ранению, что напал неизвестный, прервавший ваше свидание. В сравнении с прочими распутными похождениями этот невинный эпизод, возможно, и не приведёт к разрыву помолвки, поэтому офицеришке придётся согласиться с убедительными доводами. Что же касается судей... Да, церковники очень неохотно разжимают когти, но и здесь, слаётся, я найду нужные слова: у каждого есть слабости. Тебя оправдают. Взамен же прошу только одного: выйдя из темницы, ты отправишься со мной. Мы проведём вместе две ночи, после чего будешь свободна. Ты сможешь уйти со вторым рассветом, если захочешь, или остаться жить в том доме. Я не посмею впредь докучать своим присутствием, стану лишь оставлять деньги на кров и пищу. Ты будешь жива, свободна, сыта и согрета, тебе не придётся больше танцевать на улицах и ютиться среди нищих. Всё, чего прошу взамен, – две ночи счастья.

– Развяжи меня, – послышался за спиной сердитый голосок, до сих пор чуть трепетавший.

Едва руки оказались свободны, Рада вскочила с тюфяка и отпрыгнула к противоположной стене, насторожённо глядя на визитёра. Наконец ответила на выжидающий взгляд:

– Я уже говорила: можешь надругаться над телом, но ты никогда не получишь мою невинность по доброй воле, подлый святоша! Я скорее умру!

– О да, тут ты права, – задетый за живое настоятель хищно ухмыльнулся. – Как мы только что выяснили, красавица, так или иначе я овладею тобой!.. Это произойдёт или здесь, в тёмном подземелье, на тонком тюфяке, в компании крыс, после чего тебя ждёт петля и камень на шее, или в освещённой ароматными восковыми свечами спальне с мягкой постелью, тонко благоухающей розами, после чего ты будешь вольна, как и прежде. Либо ты познакомишься с грубой мужской силой, способной причинить немало боли, либо познаешь самую трепетную нежность, какой может одарить лишь безнадежно влюблённый. Сжался надо мной, девушка: я прошу не больше, чем ты готова была предложить грубому солдафону, понятия не имеющему о том, какое сокровище ему достанется. Подумай хорошенько. Я приду за ответом завтра. Тебе нужно только согласиться... Если же вновь отвергнешь мою любовь, думаю, эта верёвка придётся весьма кстати.

При этих словах узница ошутимо вздрогнула. Михель подобрал так пугавший её предмет и, спрятав под рясой, уда-

лился, не произнеся более ни слова.

В изнеможении Рада рухнула на тюфяк, уже пропитавшийся сыростью подземелья. Жизнь!.. Ей предлагали выкупить жизнь, но какой ценой?.. Уж лучше было бы кончить все страдания сегодня же! Да, стоило холодному дыханию смерти отступить на пару шагов, и леденящая душу утренняя тоска оказалась позабыта.

Что же делать?.. Завтра этот ужасный человек снова явится сюда, и некому будет защитить её честь... Приговорённая содрогнулась, вспоминая угрожающе нависшего мужчину, беззащитность перед ним... Нет, никак не получится пойти на это по собственной воле! Всё существо Рады противилось подобному союзу.

«Прошу только две ночи счастья... – проплывали в голове безжалостные слова и сладкие обещания. – После будешь вольна, как прежде...» Свобода!.. Жизнь!.. Нет, она не сможет, только не с ним! Этот человек заколол её возлюбленного и бросил Раду в темницу, из-за него ей грозит смерть. Нет, невозможно, невысказано!.. Пусть делает, что вздумается, но она не собирается принимать в этом участия. Любит? Вот и пусть мучается презрением, терзается ревностью: если вздумает взять её силой, она будет звать Гожа – кажется, это имя действительно причиняет святоше боль.

Вечером тьма снова ненадолго рассеялась: принесли ужин. Странно, но это оказалась нормальная еда, а не жалкая корка хлеба с пустым остывшим супом. Праздник ведь

прошёл, почему же?.. Неужели церковник?.. Узница постаралась отогнать эти мыли, невольно зарождавшие в добром сердечке крохи благодарности. Даже если и так, движут Буша исключительно нечистые помыслы, а вовсе не сострадание и уж никак не раскаяние!

Насытившись, прелестная пленница свернулась клубком на мягком тюфяке, укуталась тёплым одеялом и постаралась уснуть. Однако долго ещё в юной головке роились туманными образами странные мысли и застланные пеленой ощущения и предчувствия, которые она даже не пыталась облечь в слова.

...На следующий день мучитель явился не один. Высокий, очевидно тощий человек в чёрном балахоне со знакомой уже корзиной в руках замаячил на лестнице. Незнакомый не произносил ни слова и не показывал скрытого в тени одежд лица до тех пор, пока не захлопнулась крышка люка. В тот же миг незнакомец откинул широкий капюшон, и узница, радостно вскрикнув, бросилась ему на шею. Стоявший рядом настоятель с силой сжал факел и резко отвернулся.

– Пэтро!.. – по щекам заключённой заструились быстрые счастливые слёзы. – Ты здесь! Как же это?..

– Да, Рада, твой непутёвый названный братец наконец-то пришёл проведать тебя, – смущённо отозвался гость, покосившись на стоявшего к ним спиной священнослужителя. – По правде сказать, без мэтра Буша мне бы вряд ли это удалось... Как ты здесь? Надеюсь, все эти несчастья не сломили

тебя?.. Посмотри, что я принёс.

С этими словами неудавшийся философ и миссионер, а ныне уличный музыкант, извлёк из плетёной корзинки несколько сальных свечей.

– Их запах, конечно, может привлечь крыс...

– Ах, Пэтро, – грустно перебила Рада, – в этом нет большой беды, поскольку мыши и без того чувствуют себя здесь полноправными хозяевами.

– ...зато тебе больше не придётся коротать дни в кромешной темноте, – с этими словами посетитель запалил от факела одну из десятка свечей.

– Спасибо! – искренне поблагодарила пленница и чмокнула в щёку довольно улыбающегося братца.

Последний жест был обращён скорее к Михелю: от узницы не укрылась реакция священника на её первый радостный порыв. В юной красавице разыграло детское желание отомстить мучителю, заставить хоть немного страдать.

Услышав звонкий «чмок», Буша развернулся со скоростью атакующей змеи и обжигающим взглядом пригвоздил к месту перепуганного Пэтро – нерадивого ученика, которому некогда давал уроки теологии, риторики и философии.

– Мэтр, вы не могли бы оставить нас одних? – вызывающе спросила Рада, сжав холодными пальчиками ладонь названного братца – этот жест придал ей мужества.

Настоятель побледнел от негодования: дикая ревность, желание проучить наглую девчонку, боязнь вновь испугать

её взрывом ярости – смесь эмоций туманила разум; слова комом застревали в горле. Да как она смеет!.. А этот остолоп?.. Разве для этого разыскивал бывшего наставника и умолял помочь – чтобы сжимать теперь маленькую ладошку?! Ради звонкого поцелуя, подаренного другому, священник, рискуя всем, протаскивал непутёвого ученика в темницу?!

– Мэтр Буша, – самым беспечным тоном, на какой только был способен под прожигающим взглядом учителя, заговорил Пэтро, опасаясь, как бы реакция на выходку сестрёнки не сгубила их всех, – мне в самом деле нужно поговорить с Радой, вы помните?.. Думаю, четверти свечи нам вполне хватит. Если вы будете столь любезны...

Священник, поколебавшись несколько мгновений, молча направился к лестнице, перед этим на секунду с такой силой сжав запястье ученика, что тот невольно поморщился. Понять красноречивый взгляд ревнивого влюблённого было несложно.

– Ох, Пэтро, что же мне делать?.. – пленница сокрушённо прошла по тесной камере. – Если бы Гожо... Постой!.. Ты ведь можешь найти его? Скажи, что меня ждёт смерть, если только он не явится и не расскажет, как всё случилось на самом деле!.. Гожо, конечно, спасёт меня!

– Златоокая моя малютка, понимаешь, – осторожно начал посетитель, зная, что придётся ранить чувства сестрёнки, и желая хоть как-то смягчить удар, – боюсь, Лайош не захочет фигурировать в этой истории... Его имя будет запятнано

скандалом, что может повредить военной службе...

– Что значит какая-то служба в сравнении с жизнью невинного?! – воскликнула узница, а через мгновение сникла и без сил опустилась прямо на холодный пол тюремной камеры. – Он говорил то же самое, этот треклятый святоша... Что Гожо не придёт за мной. Что он... скоро женится...

К концу фразы голос несчастной перешёл в едва различимый шёпот, после чего она горько разрыдалась. Смущённый Пэтро неловко обнял сестрёнку и утешительно погладил по тёмным волосам.

– Знаешь, Рада, – осторожно начал он, – мужчинами зачастую – если они, конечно, не музыканты или философы – движут самые низменные побуждения. Боюсь, многим из них высокие чувства не знакомы в принципе. В этом нет ничьей вины, так уж устроен мир. Думаю, в момент вашей встречи Гожо был искренне влюблён в тебя. Но любовь такого мужчины подобна мотыльку: летит на любой отсвет, мгновенно отзывается и так же вмиг гаснет. Для тебя этот офицер – первая взрослая любовь, он важнее жизни; но вряд ли ты для него больше, чем короткий эпизод солдатской удали.

При последних словах красавица разрыдалась пуще прежнего.

– Ох, перестань же плакать! – совсем растерялся названный брат. – Дело вовсе не в тебе. Глупо ожидать встретить под мундиром военного глубокое чувство. Люди грубые, как правило, по природе не способны к нему. Однако не все муж-

чины таковы. Когда выйдешь из темницы и снова станешь свободной, обязательно встретишь человека, который оценит по достоинству твою тонкую душу и хрупкое сострада-тельное сердце...

– Нет-нет! – запальчиво перебила Рада, пытаюсь унять всхлипы. – Если мой Гожо не любит меня, к чему мне жизнь?.. Пусть уж меня поскорее утопят. Уверена, это не так больно, как твои слова!.. К тому же, если, как ты говоришь, Гожо не придёт, у меня и выбора не остаётся...

– Но, как я понял со слов мэтра Михеля, тебя можно спасти?.. – визитёр аккуратно перешёл к интересующей его теме.

– Ах, Пэтро, если бы ты знал, что он просит за помощь... – трепещущим голосом тихо произнесла узница, вспыхивая.

– Думаю, я догадываюсь. Зная учителя, сам бы не поверил этому предположению, однако... Сколько же глупостей совершается в мире по вине женщин иногда даже самыми рассудительными из мужчин. И всё же будет лучше, если ты подтвердишь или опровергнешь мою догадку.

– Он... Он хочет взамен мою невинность, – едва слышно прошептала Рада, сгорая от стыда. – Я должна буду провести с ним две ночи. Грязный, похотливый церковник!..

Голос вновь задрожал – теперь уже от негодования.

– Две ночи, а после ты будешь свободна? Всего-то?! – беспечно воскликнул музыкант. – Только представь, ты вновь сможешь танцевать и петь на улицах Старой Рутны, вер-

нёшься в каморку на улице Мэлало, где полон дом знакомых, к старому Баро, который так соскучился, ко всему, что тебе дорого! Мы снова заживём в нашей уютной маленькой комнатке. Но это, конечно, временно. Вот увидишь, однажды я стану знаменитым музыкантом и подарю тебе настоящий дворец!..

– Но, Пэтро, я не смогу, – тихо проговорила малютка. – Как я могу добровольно отдаться святоше, когда он не внушает мне ничего, кроме отвращения и ужаса?!

– А ты закрой глаза и представь на его месте Гожо, – посоветовал брат. – Прости, но, как по мне, если в тёмной комнате с мэтра Буша снять сутану, а с красавчика-офицера – штаны, едва ли разница окажется существенной...

– Что ты такое говоришь!.. – вскричала рассерженная Рада. – Нет-нет, никогда!

– Златоокая моя красавица, поверь, когда петля начнёт сжиматься на шее, когда каменная глыба неотвратимо потянет на дно, а лёгкие наполнятся водой и вспыхнут нестерпимой болью, ты так сильно захочешь жить, что будешь готова отдаться хоть самому духу зла, если это спасёт тебя. Но тогда, по моему разумению, будет слишком поздно. К тому же, возможно, суровый председатель церковного суда в конечном счёте окажется не настолько ужасен, как ты себе воображаешь.

– Всё равно я не смогу, Пэтро, – прекрасная узница печально покачала заплаканным личиком. – Пустой разговор.

Я обречена.

– Но подумай, – собеседник решил идти до конца, даже если придётся быть безжалостным, – ведь ты сейчас в любом случае во власти мэтра Буша! И, если он только пожелает, может похитить твою целомудренность в любой момент, ничего не предлагая взамен. Тебя обесчестят, будто уличную девку, и в итоге всё равно отправят на казнь! Не разумнее ли уступить требованиям настоятеля, не таким уж, к слову, непомерным?

– Знаю-знаю!.. О, всё это так несправедливо! Он уже пытался овладеть мной... Пэтро, я так беспомощна!

– Бедная... Канарейка в лапах изголодавшегося чёрного кота... Слушай! – в конце концов музыкант решил прибегнуть к последнему аргументу. – Ты должна согласиться на все условия. Не перебивай!.. Я предупрежу об этом уговоре Баро. Приёмный отец нежно любит тебя и наверняка попытается вырвать из рук священника. Сказать по правде, сразу же после суда он сообщил мне о намерении поднять весь сброд нашего квартала и отбить тебя у стражи по пути к месту казни. Вот только Баро боится, что в холодной сырой темнице без горячей пищи и чистой воды до весны ты можешь не дожить, поэтому стоит попытаться вырваться отсюда как можно раньше. Возможно, даже не придётся расплачиваться за услугу мэтра Михеля. Ну, красавица, не правда ли, твой братец блестяще всё придумал?

Сомнения Рады длились не более минуты. Баро, конечно,

как она сама не подумала!.. Приёмный отец никогда не позволит нанести любимой воспитаннице подобное оскорбление! Она снова будет свободна, а глупый церковник останется ни с чем. А ещё... Непременно нужно разыскать обманщика Гожо и прямо спросить, почему он оказался так жесток к маленькой плясунье. И в этом тоже наверняка сможет помочь священник.

...Когда нетерпеливо расхаживающий наверху настоятель вернулся, Рада мечтательно улыбалась. Михель пожирал горящим взором каждый дюйм обнажённой кожи, не в силах произнести ни слова; однако сердце мучительно сжималось в томительной и приятной истоме: на лице узницы явственно читался долгожданный ответ на мольбы.

– Я согласна, – просто сказала пленница, поднимаясь с пола вслед за названным братом. – Но прежде вы должны выполнить одно моё условие.

Оба мужчины воззрились на Радугу: Пэтро – удивлённо, Буша – требовательно:

– Что ещё за условие?

– Приведите ко мне Лайоша. И вы, и мой братец – оба утверждаете, будто он меня не любит и не спасёт. Если Гожо подтвердит эти слова, скажет, что я ему больше не нужна, тогда я согласна на сделку.

Михель заколебался. В выводах касательно офицера королевской гвардии священник был уверен. Другой вопрос – как заставить Лайоша явиться сюда, на свидание с несосто-

явшейся любовницей. В конце концов Буша принял решение и, вцепившись в тонкое запястье, хрипло произнёс:

– Поклянись! Клянись самым дорогим для тебя, девушка, что не обманешь!..

– Клянусь жизнью моей, – поколебавшись, ответила пленница; она не считала, что хоть чем-то обязана этому сумасшедшему, и всё-таки раздавать обещания, которые не собиралась исполнять, казалось низким.

После этих слов хватка ослабла. Священнослужитель прерывисто вздохнул, на секунду нежно приложился тёплыми губами к заметно дрогнувшим пальчикам и знаком показал ученику, что они уходят. Пётро ободряющим жестом сжал маленькую холодную ладошку и последовал за учителем.

Спасена!.. Эта счастливая мысль билась в голове девушки, вселяя в сердце радость. Радость?.. Неужели она ещё способна радоваться, зная, что Гожо не любит её? Но, возможно, он всё объяснит при встрече, может быть, это просто чудовищная ошибка. Главное – она будет жить и снова увидит его! Рада рассмеялась от облегчения и тихонько запела. Жажда жизни вновь брала верх в юной, цветущей душе.

Глава 3

С момента заключения соглашения минуло больше дюжины дней. Священник приходил раз пять, ненадолго, и никогда – с пустыми руками. Обыкновенно приносил то кусок вяленого мяса, то засахаренные лепестки роз, то кувшин сладкого вина в дополнение к сытному ужину. Кроме

того, у Рады появился ещё один тюфяк, а также тёплая шерстяная шаль и маленькие кожаные башмачки. Буша, разбирающийся в медицине, оставил стеклянный пузырьёк с мазью, наказав каждый день наносить снадобье на израненную спину. Строптивница поначалу отказалась, но под угрожающим взглядом покорно вздохнула и обещала сделать всё сама, как только посетитель уйдёт. Удивительно, но вскоре узница и впрямь почувствовала, что шрамы мало-помалу перестают отзываться ноющей болью на каждое неосторожное движение. Не прошло и десяти дней, как три глубокие борозды, пересекающие спину, совершенно перестали тревожить – прекратился даже обычный для зарастающих ран слабый зуд. Пленница невольно начинала привыкать к суровому священнослужителю с бесстрастным лицом, который больше не предпринимал попыток покуситься на её честь.

Для Михеля Буша эти дни показали самой сладостной пыткой, какую только можно вообразить. Он, как мог, торопил пересмотр дела, но судебный процесс никогда не был скорым, особенно в вопросах вынесения оправдательных вердиктов. Если бы не живое участие внушающего уважение настоятеля «Храма Всемилового Дракона», всё это могло растянуться на год, а то и больше. Однако усилиями по временам впадающего в дрожь от нетерпения председателя церковного суда слушания закончились довольно быстро.

Угрозами и щедрой наградой Гожи из рода Лайош удалось вынудить предстать перед законом и рассказать, как всё про-

изошло на самом деле. Тогда же Михель взял с офицера слово, что в день освобождения тот лично спустится за Радой (конечно же, тайно, так что его честь не пострадает) и объяснится с несостоявшейся возлюбленной.

Упрямого прокурора, не желавшего отпускать ведьму и пытавшегося сослаться на признания обвиняемой, легко удалось усмирить парой тихих фраз о его периодических посещениях кельи одного молоденького аколита. Таким образом, приговор вскоре пересмотрели: ввиду отсутствия состава преступления, то бишь наличия живого и почти невредимого офицера королевской гвардии Гоже Лайоша на слушании дела о его убийстве, немедленно освободить обвиняемую из-под стражи.

Что значил долгожданный день для Буша, невозможно передать словами. Его трясло, точно в лихорадке, глаза ярко полыхали нетерпеливым пламенем на бледном измождённом лице. Все прошедшие дни он старался держать себя в руках, чтобы хоть немного сгладить ужас, внушаемый им этой восхитительной дикой девчонке. Михель не питал иллюзий, будто она может проникнуться симпатией, но ему было бы довольно и того, если бы в огромных золотых глазах испуганной лани не сквозило отвращение.

Одним лишь небесам ведомо, каких усилий стоила священнослужителю эта показная холодность!.. И всё же томительное предвкушение было настолько же сладким, как и ожидаемая награда. Ночами, мучимый чувственными виде-

ниями, настоятель едва мог провалиться ненадолго в спасительное забытье. С каждым днём нетерпение, мучащее влюблённого, усиливалось – и в то же время нарастало удовлетворение от осознания того, как скоро все потаённые грешные помыслы воплотятся в реальность вспышкой самого ослепительного наслаждения. Он снял прелестный домик в предместье Старой Рутны – небольшой, но уютный двухэтажный коттедж. Поручив жилище заботам престарелой служанки и по совместительству кухарки, Михель с облегчением подумал, что скоро сможет принять все дары, какими непрístupной красавице будет угодно одарить его.

В ночь перед заседанием, когда суд должен был вынести оправдательный вердикт, Буша принял перед сном сильное успокоительное, чтобы наконец нормально выспаться. А ещё – чтобы не придушить Гожо Лайоша, который обещал явиться на слушание, а после – сопроводить настоятеля в темницу.

Рада вздрогнула одновременно от страха и восторга, когда спустившийся священник объявил, что она свободна, и протянул платье, меховую накидку и сапожки, более подходящие для прогулок по улице, нежели тюремная рубаха.

– А это – тот, кого я обещал привести, – добавил он.

Стоявший позади в облачении аколита человек откинул с лица капюшон.

– Гожо!.. – воскликнула бывшая узница и, не помня себя от счастья, кинулась к офицеру.

Припав к его груди, плясунья обвила возлюбленного тон-

кими ручками, устремив снизу вверх взгляд огромных, золотистых, влажных глаз, блестящих нескрываемой радостью. Михель лишь скрипнул зубами и отвернулся, трясущимися руками вешая на крюк масляный светильник. Лайош, вопреки ожиданиям Рады, не обнял её в ответ, а, чуть помедлив, напротив, взял за плечи и несколько отстранил от себя.

В ту же секунду бродяжка отпрянула от дворянина, содрогнувшись от страшного прозрения. Взволнованная малютка вдруг почувствовала себя ужасно разбитой, сердцем уже зная, что возлюбленный отрёкся от неё. Усилием воли она собрала в кулак остатки мужества и попыталась объяснить:

– Гожо, неужели ты не рад встрече со своей Златоокой Радой?.. – жалко улыбнувшись сквозь сдерживаемые слёзы, проговорила она дрожащим голосом. – Ты ведь не поверил, будто это я, готовая отдать за тебя свою ничтожную жизнь, нанесла тот роковой удар? Да, под пыткой я признала вину – прости мне эту слабость! Но больше мне не за что извиняться, клянусь!.. Это всё он, похотливый священник, который преследует меня!..

Глаза говорящей полыхнули бессильным гневом, а тонкий пальчик обличительно указал на застывшего у стены мрачной тенью со скрещёнными на груди руками настоятеля «Храма Всемилоственного Дракона». Тот лишь побледнел, однако не изменился в лице, сурово и смело глядя прямо в глаза удивлённо воззрившегося на него офицера королевской

гвардии. Тот поспешно отвернулся:

– Да ты никак не в себе, малютка! Успокойся, я не обвиняю тебя. Но и ты не говори таких ужасных вещей про мэтра Буша. Он, как видишь, хлопочет о тебе, добился пересмотра дела, оправдания...

– Хлопочет!.. – воскликнула бедная плясунья, теряя остатки самообладания. – О, Гожо, заberi меня отсюда, прошу тебя! Иначе этот церковник сотворит со мной нечто ужасное!.. Увези меня, спрячь – я сделаю для тебя всё, что скажешь! Стану, кем пожелаешь – любовницей, служанкой, рабой – только заberi меня от него! О, ведь я так люблю тебя! А ты – ты же тоже любил меня, помнишь?.. Возможно, ты полюбишь меня снова... А если нет – мне довольно будет и того, что я хоть изредка буду видеть тебя, чистить сапоги, стирать мундир... О, Гожо!..

Будучи не в силах более сносить нетерпеливо-раздражённый взгляд Лайоша, бродяжка упала на колени, молитвенно простирая руки к своему «спасителю». Одному лишь Дракону ведомо, что чувствовал в тот миг наблюдавший за этой сценой Буша. Его впалые от бессонницы и нервной болезни глаза горели на побелевшем лице, подобно огонькам свечей. Зубы сжались с такой силой, что челюсть свело болезненным спазмом. Михель разрывался между отвращением и состраданием, ревностью и любовью, гневом и поклонением. О, как пылко просила юная красавица, как очаровательно сквозила в огромных глазах мольба о помощи, как страстно бедняжка

заклинала спасти её!.. Священник, не раздумывая, отдал бы всё, лишь бы вот так она смотрела на него. И, одари плясунья подобным взглядом его самого, мир бы перевернул, лишь бы выполнить просьбу.

– Послушай, крошка, ты сама не понимаешь, что говоришь! – начал офицер. – Куда же я тебя спрячу? И как, в конце концов, объясню твоё появление невесте?..

На этом месте Рада перебила, вызвав в душе возлюбленного, мечтающего поскорее убраться восвояси, не вникая во все подробности этой тёмной истории, новую бурю негодования и чуть ли не отвращения к себе:

– Невесте?.. О, мой Гожо, так ты помолвлен?! Разве не ты говорил мне, что брак – всего лишь ненужная формальность?

– Так и есть, милая Рада, если только речь не идёт о богатом приданом, – небрежно проронил посетитель, надеясь, что упоминание о невесте заставит малютку отступить: должна же в ней прорезаться хоть какая-то гордость?!

Однако в вопросах любви бедняжка была столь же неопытна, как и её преследователь, а в своей наивной мольбе выглядела ничуть не менее жалко. И если Михель вызывал в Раде лишь брезгливое отвращение, когда заклинал ответить на его страсть, то в Лайоше при виде коленопреклонённой бродяжки, по щекам которой текли горькие слёзы, сейчас пробуждалось аналогичное чувство. Ему и впрямь нравилась эта малышка, столь очаровательная и невинная, и он

готов был снизойти до её любви. Но ведь в тот момент Рада ничего не требовала взамен и казалась лакомым кусочком, вполне подходящим развлечением. Теперь же просила забрать, увезти, спрятать, спасти – и храбрый вояка готов был бежать от неё на край света.

– Гожо, неужели ты оставишь меня здесь, с этим ужасным священником? – дрожащим голосом спросила несчастная. – Ужель пусть не любовь, но даже и милосердие не шевельнётся в твоей душе?.. Ведь ты желал меня однажды – меня, бедную нищенку! А теперь даже и не глядишь в мою сторону!.. Вспомни же о своих словах и любовных клятвах. Забери меня, прошу!

– Глупости! – потеряв терпение, отрезал Лайош. – Мне некуда забрать тебя, негде спрятать. Я пришёл в суд и дал показания, как просил мэтр Буша. Тебя оправдали, ты будешь жить и обретёшь свободу. На этом вынужден откланяться: офицер королевской гвардии не может надолго покидать пост.

Михель, давно ждавший подходящего случая выпроводить сыгравшего точно по нотам предназначенную ему роль мальчишку, тотчас кивнул на закрытый люк. Гожо из рода Лайош регировался по шаткой лестнице столь поспешно, что Рада успела лишь вскочить на ноги, кинуться вслед за ним – и угодить прямиком в объятия священника.

– Пусти, пусти меня!.. – благо, нужно было очень постараться, чтобы расслышать тихие восклицания бедняжки че-

рез тяжело захлопнувшийся люк. – Гожо, мой Гожо!

– Он ушёл! – настоятель крепко держал отчаянно бившуюся в его руках красавицу, чувствуя, как непреодолимое желание поднимается из самой глубины существа. – Успокойся же!.. Я ведь говорил, что ты не нужна ему, что он никогда не любил тебя!

Буша и сам не понимал, почему с языка срываются эти злые, ревнивые слова. Михель видел, какую боль причиняют они и без того убитой горем плясунье, однако остановиться уже не мог:

– Твой военный – пустышка! Всё, чего он хотел, – забрать твою невинность, сорвать этот нетронутый цветок, чтобы наутро втоптать в грязь едва распустившийся бутон! Ты должна благодарить меня, что я помешал мерзавцу...

– Лучше бы это сделал он! – вскричала обезумевшая от горя Рада. – О, да лучше я достанусь палачу, чем тебе!..

– Ну уж нет, даже не надейся, – жёстко обрубил больно задетый священник. – Ты дала мне слово, помнишь? Свою часть уговора я выполнил, девушка. Сегодня ночью ты выполнишь свою!

От этих страшных слов освобождённая узница замерла, подняла всё ещё затуманенный слезами взор на мучителя – и обмякла, почти лишившись чувств от нервного потрясения и ужаса предстоящей ночи. Перед глазами всё поплыло, силы окончательно покинули хрупкое тело; бродяжка молила милостивого Дракона лишь о том, чтобы умереть прямо сей-

час. Гожа не любит её, а, значит, жить больше незачем; к тому же перспектива лечь в постель с погрязшим в грехе церковником казалась сейчас страшнее смерти, которая могла принести желанное освобождение от боли, страданий и сердечной раны.

Буша аккуратно уложил плясунью, безмолвно шевелящую губами, точно она шептала молитвы, на тюфяк и осторожно провёл пальцами по щеке; откинул со лба прядь тёмных волос. Сейчас эта дикая кошка казалась такой трогательно-беззащитной, что Михель невольно проникся её горем. Даже беспрерывно терзавшая похоть куда-то испарилась, уступив место тихой нежности. Хотелось утешить, успокоить, стереть эти скорбные морщинки с милого личика. Влюблённый что угодно бы отдал, чтобы увидеть улыбку Рады, но мысль отпустить без всяких условий, ничего не требуя взамен, даже не пришла в голову. Он слишком долго боролся за возможность разделить с прелестной маленькой нищенкой сладчайший из грехов, слишком сильно страдал, слишком многое поставил на карту, чтобы теперь отступить. Нет, священник ни за что на свете, будь ему даже обещано вечное блаженство под крылом Дракона, не отказался бы от возможности провести эту ночь со златоокой красавицей.

Некоторое время Буша ещё бережно поглаживал тонкую ручку, сидя рядом с Радой, невидящий взгляд которой безразлично застыл. Наконец поднялся:

– Приходи в себя, переодевайся и уходи отсюда. Я от-

дал соответствующие распоряжения, тебя не станут задерживать. Буду ждать у Моста трёх опор. Не задерживайся, дни сейчас короткие, скоро начнёт темнеть.

Плясунья чуть встрепенулась. У ворот Моста трёх опор, она не ослышалась?.. Церковник что же, правда верит, что она придёт? Раздражённая на саму себя за настойчиво призывающий сдержат клятву голос совести, Рада перевернулась на бок. Услышала шаги поднимавшегося по ступеням священника и звук открываемой крышки люка. На сей раз её не закрыли.

Опустошённая, освобождённая узница лежала на тюфяке, вперив невидящий взор высохших глаз в камень стены. В голове билась одна-единственная мысль: «Он меня не любит». Если после вынесения приговора Радой завладело отчаяние, то теперь сердце переполняла неизбывная тоска. Горечь оказалась настолько сильна, что быстро переросла в тупое безразличие к собственной участи. Несчастливая лежала неподвижно до тех пор, пока не погас выпивший масло до дна огонёк лампы и камера не погрузилась во тьму. Слабый свет лился лишь из открытого люка, напоминая, что пора уходить из мрачного подземелья.

Медленно поднявшись, плясунья ошупью отыскала оставленную священником одежду, облачилась в новый наряд, с омерзением отшвырнув тюремную рубаху, и осторожно поднялась вверх. Стражник, скучавший в конце освещённого несколькими факелами коридора, коротко кивнул и повёл

бывшую заключённую петляющими коридорами. Никто не пытался чинить им препятствий: быстрые взгляды встречавшихся на пути людей скользили по серому, чуть припухшему личику холодно и равнодушно. Наконец входная дверь тюрьмы распахнулась, выпуская Раду на залитый солнцем двор.

Солнце!.. Сколько же она его не видела?.. Безразличие, вызванное горестным потрясением, несколько пошатнулось. Зажмурившись от белизны покрытого снегом тюремного двора, малютка вдыхала морозный свежий воздух, так разительно отличавшийся от затхлой подвальной сырости. А потом, словно очнувшись, выпущенной из клетки птичкой поспешила по направлению к воротам крепости, желая как можно скорее покинуть неприветливое сооружение, приносящее людям столько горя и мучений.

Стоило угрюмому стражу распахнуть тяжёлую дверь, как вылетевшая на улицу Старой Рутны красавица замерла в нерешительности. Куда же направиться?.. Совершенно точно не туда, где ждёт похотливый святоша. Он, конечно, выполнил свою часть сделки, но ведь именно по его вине Рада оказалась запертой, значит, она, без сомнения, ничем не обязана за спасение. На секунду перед плясуньей возник образ сурового председателя церковного суда, на коленях молящего о капли любви... сдержанная нежность и попытки порадовать скромными подношениями... забота и пылкие взгляды, особенно выигрышно смотрящиеся на фоне холодного равнодушия предателя Гожо. Бродяжка решительно трягну-

ла головкой, разгоняя зародившиеся в сердце жалость и благодарность.

– Рада! – от стены соседнего дома отделились две фигуры и быстро пошли к ней.

– Джура, Зурало!.. Откуда вы здесь?

Снег приятно захрустел под мягкими сапожками, когда плясунья бросилась навстречу.

– Пэтро предупредил Баро, что тебя вот-вот выпустят и может потребоваться помощь. По его приказу мы дежури́м тут каждый день по очереди. Здорово, что тебя выпустили именно сегодня! – быстро проговорил Зурало – крепкий светловолосый детина на две головы выше Рады, под курткой которого всегда пряталась увесистая дубина.

– Пойдём скорее домой, такую пирушку закатим!.. – добавил коренастый, косящий на один глаз Джура. – Баро, небось, заждался уже. Каждый день про тебя справляется.

– Я... – красавица заколебалась: ей не хотелось домой, не хотелось сидеть в духоте среди хмельных друзей и подружек. – Передайте отцу, что я приду позже. Хочу немного прогуляться после тесной клетки.

– Составить компанию? – тут же вызвался молодой силач Зурало. – Пэтро говорил, тебя надо защитить от кого-то. Только укажи, а мы уж...

Оба парня недобро ухмыльнулись.

– Нет, это лишнее, – быстро отказалась желавшая остаться наедине с сердечной болью Рада. – У меня нет никаких

проблем, правда. Не от кого защищать. Просто хочу побродить в одиночестве.

– Как скажешь, – кивнул малопривлекательный, но очень деликатный и чуткий Джура. – Только возвращайся поскорее, не то Баро нам головы оторвёт.

– Конечно.

– Ну мы пошли, – неуверенно проговорил красавчик-великан и добавил: – Добрый у тебя наряд. Пару золотых, поди, стоит. Неужто в тюрьме такие дают?..

– Это подарок, – ответила плясунья и поскорее свернула беседу, предотвращая дальнейшие расспросы: – До встречи!

– До встречи! – в унисон ответили вслед удаляющейся подруге Джура и Зурало.

Глава 4

Выйдя из тюрьмы, Михель Буша замер в нерешительности. Недоверие и ревность терзали раскалённым железом. Смеет ли он надеяться, что Рада не обманет и не попытается укрыться в трущобах среди бродяг?.. Вмиг ослабевший настоятель вдруг почувствовал, что добыча, столь крепко схваченная им, ускользает. Притаившись за углом, укрывшись чёрным плащом с ног до головы, священник ждал появления предмета своей болезненной страсти.

Солнце перевалило далеко за полдень, когда освобождённая узница показалась на залитой солнцем ослепительно-белоснежной площади. О, как прекрасна плясунья казалась в тот момент в новом наряде и мягких сапожках!..

Неожиданно к Раде приблизились двое мужчин, по виду – отребье из квартала бедняков, воры или нищие. Михель настороженно наблюдал из укрытия, боясь, что красавица сейчас уйдёт с белобрысым верзилой и кривым уродом. Сердце отбивало в груди быстрый неровный ритм. Однако пронесло. перекинувшись с бродягами несколькими фразами, малютка медленно двинулась прочь, петляя в заснеженных переулках. Незримой тенью следовал по пятам человек в чёрном плаще; заметить его не составило бы труда, но погружённая в невесёлые мысли плясунья и не думала оглядываться.

Куда же она?! Смятение и страх овладели священником. О, как наивен он был, полагаясь на её слово!.. Конечно же, Рада и не думала исполнять свою часть уговора. Надо было взять девицу ещё там, в темнице! Но поздно: маленькая птичка упорхнула из тесной клетки, и ни Всемиловитый Дракон, ни коварный дух зла не в силах вернуть несчастному влюблённому вожаделенную добычу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.